

Воспоминания К. Александровой.¹

Арк. 37.

Все мое детство, вся моя жизнь связана с этой рекой – с Днестром. Родилась на берегу его, все детские годы провела в его песке, в его воде. С малых лет так привыкла к его берегам, камням, волнам, плеску его воды – что все это стало как бы неотъемлемой моей частицей. То видела я Днестр ранним утром тихим-тихим и гладким как зеркало; днем он ярко блестящий от солнца, а вечером загадочный, темный и теплый – так я ребенком ощущала эту реку.

В бурю он имел своеобразную прелесть: гром и молния и беснующаяся днестровская вода – соединялось в одно целое – жуткое. В такие бури я выбегала к Днестру, к своим любимым камням, я пряталась в них и оттуда с замиранием сердца наблюдала грозу – я это любила делать – почему, не знаю.

Позднее, научившись сама читать, я перечитывала по несколько раз «Кобзарь» Шевченко (книга, какая часто попадалась мне на глаза дома) там я вычитывала и про «Дніпро й про кручі», «про дніпрові хвилі», и про обиженных панями «жінок та дівчат-Оксан» какие с горя тонули в Дніпрі. Я помню, как я всей душой понимала эту книжку, этого Шевченковского кобзаря. Все в моем воображении переплелось и мое детство, моя жизнь в семье, и Днестр и «Кобзарь». Так я полюбила свою реку. И юность и молодость все как-то связано с этой рекой. Я понимаю ее во всех ее проявлениях. Я знаю прошлое этой реки, этого края, – это прошлое мне не чужое – оно мне родное.

Попала в 1927 году на Днестрострой в Отдел Мостового Перехода (остров Хортица). Для меня это все знакомое кругом, каждый камень, каждый дуб наблюдался мною с детства – была в родной обстановке. Работая, в свободное время я наблюдала, что делалось кругом. В свободное время я бродила по берегам и приглядывалась, где какой камень взорвали, какую скалу разрушили. Смешно признаться, но мне было почему-то жалко уничтожение этой первобытной красоты Днестровых берегов, Днестровой рамки.

Если глянуть с чисто строительной точки зрения на все эти изменения, то вздыхать прямо-таки стыдно и смешно. Но я знаю все уголки Днестровских берегов, я знаю названия всех Днестровских «скель» и мое, лично мое мнение чтобы их не затронули – но на деле часто было не так.

Жила я на острове Хортица в маленьком деревенском домике, прилепившемся к скале «Мартыниха» это старая, старая древняя скала. Это самая большая и самая видная скала на правом берегу о-ва Хортица. Состав этой скалы сплошной серый чистый гранит из которого сооружены быки – опоры мостов Нового и Старого Днестра. До Днестрострой, до разработки этой скалы, до вскрытия каменотесного карьера в ней, скала имела такой вид: стоит она на берегу, свисая своей большой половиной в воду, вся такая большая, издавна поросшая мхом, вся заросшая своеобразными цветами, травами, дубками. С берега тянется между густой хортицкой травой еле заметная тропинка, она ведет вас на эту скалу разными извилинами-тропинками, вот вы собрались на самую-самую верхушку ее, здесь масса больших круглых, плоских камней-валунов, тоже сплошь вскрытых, как лишаями – старым древним каким-то

¹ Этот документ (ДАЗО, Ф. р-995, оп.28, спр. 38, арк. 37, 38) был обнаружен в архиве Игорем Павелко из Запорожья

красно-зеленым мхом и везде-везде цветы разной породы, разного цвета и формы среди густой хортицкой травы (ковыля). Кое-где в укромных уголках между камнями примостилась дикая, низкорослая груша, дикий дубок среди бурной зелени – оттуда то и дело слышан странный, предостерегающий шепот змей – и таких уголков, опасных и красивых много имела скала «Мартыниха». Вот вы присели на мягкий мох, как на ковер – глянуть со скалы в низ, на воду, странно, голова кружится, так круто-высоко, обрывисто падает скала в воду. На право и на лево широкий-широкий голубой Днепр, как на ладони, кругом тихо-тихо, ничто не возмущает этой хортицкой тишины, разве только прокричит какая странная птица, запутавшаяся в густой зелени прибрежных дубов и верб, или в низу, где то на берегу раздастся веселый смех и говор вновь прибывшей гуляющей молодежи – и этот смех как то странно нарушал под час эту первобытную тишину.

И стоит эта скала целые столетия, вся мохнатая, вся пестрая от цветов и дико-могущественная – такой я ее раньше знала.

Арк. 38.

Увидела я ее потом взорванную со стороны реки, где сиял открытый каменотесный карьер, как свежая гранитная рана на общем фоне еще сохранившейся прелести скалы.

А дальше ее все рвали и рвали по кускам, по частям, какие иногда с грохотом валились прямо в Днепр.

Ее рвали с одной стороны, а с другой стороны она еще была также величава и красива. Здесь же около нея, как на страже росли высокие-высокие ясени. Они так глухо шумели по ночам.

Старожилы дают этим деревьям много, много лет. Жутко по ночам в бурю прислушиваться к шуму этих деревьев. Окна моей комнаты, помню, выходили к скале, к Днепру, часто по ночам за окнами, слышен был жалобный женский плач, такой заунывный и тягучий. Этот плач повторялся каждый день. Я искала причину. Однажды ночью я решила подсмотреть: в лунную осеннюю ночь я вышла из дома, что бы на дворе прислушаться и найти причину этого жуткого воя – мне это не удалось. Над моей головой пролетела черная громадная птица, и с диким криком напугала меня.

Много рассказывали местные жители этого края (старожилы этих мест) о прошлом острова Хортица, о днепровских скалах, берегах, пещерах, птицах змеях... Забавные легенды передавали, помню, они.

Вот и эту скалу они считают «плохим», нечистым местом – со времен запорожцев, на ней совершали разные расправы с врагом у них – много слез и ужаса видела в свое время скала «Мартыниха».

Говорили, что до сих пор ночью бродит прозрачный женский силуэт замученный, когда то женской души на этой скале – где она и плачет каждую ночь, посещая ее в полночь...

Я потом подследила днем причину этого плача. Я лежала в траве на скале и читала. Невольно мой слух уловил звук исходивший от травы (ковыля) вокруг меня. От ветра сквозящего между тростинками ковыля происходит звук похожий на тихий, жалостный плач женщины, ребенка, плач то затихающий, то усиливающийся, по мере силы ветра.

Комментарий Олега Власова.

Здравствуйте, Виктор! Посылаю Вам интереснейший документ из истории острова Хортицы. Здесь описывается скала Мартыниха (Мартынова, Гроссе Штайн) в пределах бывшего села Остров Хортица. Скала была уничтожена карьером, а сейчас на ней стоит профилакторий. Текст подается, как в машинописи - с ошибками в стиле, пунктуации и т.д. Обратите внимание - женщина говорит, что ей "смешно сказать" о том, что она испытывает сожаление по поводу уничтожения прекрасной скалы. Это не должно удивлять, учитывая время, когда это было сказано. 1934 год - индустриальная лихорадка. Пропагандисты объявляют охрану природы - охраной от социализма. Многие ученые - краеведы, естествоиспытатели, историки, археологи - объявлены врагами народа, отправлены в лагеря или даже расстреляны. Женщина просто хотела себя обезопасить. Надо сказать - ее воспоминания - это очень смелое слово в те годы. И еще. Мне кажется, что рассказ о некоем привидении женщины на скале - это отголосок событий, связанных с Хеленой Хильдебранд (1833 г.).